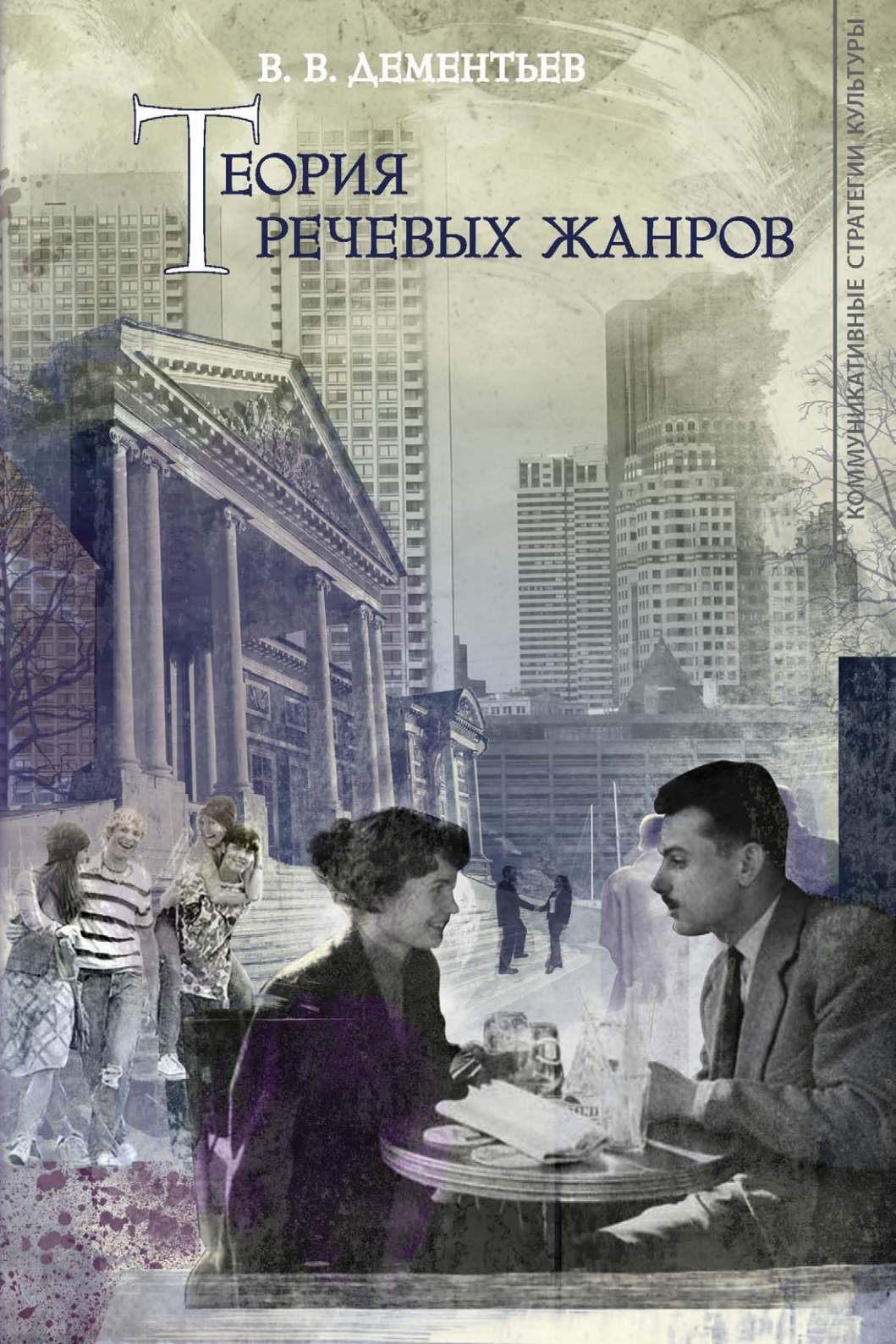
В. В. ДЕМЕНТЬЕВ

Теория речевых жанров



КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРЫ

В. В. ДЕМЕНТЬЕВ

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Знак
Москва
2010

УДК 801.161.1
ББК 83.3Р
Д 30

Редакционный совет серии:

М. М. Гиршман (Донецкий ун-т, Украина), *М. Н. Дарвин* (РГГУ, Москва), *И. В. Силантьев* (председатель, Ин-т филологии СО РАН, Новосибирск), *Ю. Л. Троицкий* (РГГУ, Москва), *В. И. Тюпа* (РГГУ, Москва), *Ю. В. Шатин* (Новосибирский гос. ун-т), *В. Шмид* (Гамбургский ун-т)

Дементьев В. В.

Д 30 Теория речевых жанров. — М.: Знак, 2010. — 600 с. — (Коммуникативные стратегии культуры).

ISBN 978-5-9551-0409-6

В монографии обсуждаются основные положения теории речевых жанров: место жанра в речевой системности, отношение речевого жанра к коммуникативному жанру, речевому акту, речевому событию, речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия, классификация речевых жанров. Много внимания уделяется речежанровым идеям М. М. Бахтина и их развитию в современном жанроведении.

Рассматриваются новые направления теории речевых жанров: когнитивное и культурологическое жанроведение, изучение жанров новых сфер общения.

Самостоятельные исследования посвящены четырем жанрам русской речи — разговору по душам, светской беседе, флирту, анекдоту семидесятых годов.

Для лингвистов, преподавателей и студентов-филологов.

ББК 83.3Р

В оформлении переплета использован рисунок А. В. Муллиной

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0409-6

© В. В. Дементьев, 2010
© Знак, оригинал-макет, 2010

Содержание

Введение. Задачи жанроведения и задачи этой книги 7

ГЛАВА I. Лингвистика XX в.: от текста к жанру и от жанра к тексту (историографический очерк) 17
1.0. О принципах периодизации жанроведения 17
1.1. «Без Бахтина» 21
1.2. Жанры речи и Бахтин 33
1.3. Формальные и содержательные тенденции в теории речевых жанров 43
1.3.1. Лингвистическое изучение РЖ (генристика) 43
1.3.2. Прагматическое изучение РЖ (жанроведение) 52
1.4. Центры и школы изучения речевых жанров 55
1.4.1. Жанры речи и «Жанры речи» (Саратов) 55
1.4.2. Изучение речевых жанров в Волгограде 66
1.4.3. Другие центры (Пермь, Екатеринбург, Орел, Воронеж, Новосибирск, Иркутск) 71

ГЛАВА II. Место жанра в речевой системности 77
2.0. Постановка проблемы 77
2.1. Понятия речевой системности и речевого аттрактора 83
2.2. Речевой жанр и параметризация речи 103
2.3. Место РЖ по отношению к смежным явлениям речевой системности 123
2.3.1. Речевой жанр и коммуникативный жанр 123
2.3.2. Речевой жанр и речевой акт 124
2.3.3. Речевой жанр и стиль 130
2.3.4. Речевой жанр и речевое событие 137
2.4. «Расширяющая» и «сужающая» тенденции в определении речевого жанра 143

ГЛАВА III. Классификация речевых жанров 155
3.1. Основания классификации речевых жанров 155
3.2. Противопоставление первичных и вторичных жанров 164
3.2.1. Разные определения жанровой вторичности 164
3.2.2. Диады 174

3.3. Противопоставление жанров по шкале «жесткость vs. свобода» ... 185
3.3.1. Тексты и жанры жесткой и мягкой формализации ... 185
3.3.2. Жанры в парадигме прямой и непрямой коммуникации ... 197
3.3.3. Косвенные речевые жанры ... 206
3.4. Внутренняя классификация и отдельные типы речевых жанров ... 209
3.4.1. Фатические речевые жанры ... 209
3.4.2. Жанры разных социолингвистических типов дискурса ... 236

ГЛАВА IV. Жанроведение в XXI в.: перспективные направления ... 247
4.1. Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности ... 248
4.2. Аспекты проблемы «жанр и культура» ... 258
4.3. Речевые жанры новых сфер общения ... 273

ГЛАВА V. Изучение отдельных речевых жанров ... 287
5.1. Жанроведение как «энциклопедия речевых жанров» ... 287
5.2. Предлагаемые материалы к энциклопедии ... 304
5.2.1. Разговор по душам ... 305
5.2.2. Светская беседа ... 340
5.2.3. Флирт ... 398
5.2.4. Анекдот семидесятых (текст и жанр) ... 434

Заключение ... 493
Список использованных сокращений ... 499
Библиография ... 500
Предметный указатель ... 565
Указатель речевых единиц ... 577
Указатель имен ... 584

Введение

Задачи жанроведения и задачи этой книги

Теория речевых жанров (далее — ТРЖ) в ее современном виде, несомненно, стала одним из наиболее актуальных и значимых направлений дискурсивной лингвистики. История ТРЖ ознаменовалась целым рядом важных достижений на пути осмысления функционирования языка и речевой системности. ТРЖ влияет на многие смежные дисциплины, которые используют положения данной теории для достижения своих специальных целей (например, при реконструкции национально-языковых картин мира и систем коммуникативных ценностей), а также при решении задач, являющихся общими для всех речеведческих дисциплин (например, осмысление того, как строится и воспринимается речь на естественном человеческом языке в разных формах, сферах, регистрах).

Антропоцентрическое языкознание опирается на понятие речевого / коммуникативного жанра в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов при изучении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи. Теория речевых жанров становится одной из немногих действующих на практике моделей коммуникации, учитывающих такие важнейшие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления начала и конца речи, передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации. В этом состоит выгодное отличие понятия речевого жанра от единиц языка, осмысляемых вне ситуации общения, и от речевых актов, осмысляемых как элементы этой ситуации.

Жанровое оформление коммуникативного поведения относят к основным постулатам коммуникативной лингвистики, представляющим собой обобщение концепций, разработанных в различных областях науки о языке [Карасик, Слышкин 2007: 336].

В России сформировалось несколько центров (Волгоград, Екатеринбург, Краснодар, Красноярск, Москва, Новосибирск, Омск, Орел, Пермь, Санкт-Петербург, Саратов, Тверь), где последовательно и весьма успешно осуществляются описание и систематизация речевых жанров, а также разработка специального метаязыка для описания РЖ.

С середины 90-х г. прошлого века появилось много серьезных работ в данной предметной области, например докторские диссертации В. А. Салимовского «Жанры речи в функционально-стилистическом освещении: Научный академический текст» (2002) и И. Н. Борисовой «Русский разговорный диалог: структура и динамика» (2001), монография М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой «Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект» (1999 и 2004), циклы статей М. Ю. Федосюка, А. Г. Баранова, К. Ф. Седова (названные и другие работы будут подробно представлены в первой, историографической главе настоящей монографии).

В то же время, несмотря на очевидную актуальность, даже необходимость обобщающей книги о речевых жанрах в России для современной антропологически, когнитивно и коммуникативно ориентированной лингвистики, такой книги до сих пор никем не было написано. Говоря «никем не было написано», мы имеем в виду именно обобщающую, итоговую работу, где были бы учтены и систематизированы все значительные теоретические идеи по речевым жанрам в России и опыт практических исследований (анализ речи в аспекте жанровой организации в целом и изучение отдельных жанров), а также история ТРЖ и динамика ее взаимодействия со смежными лингвистическими направлениями и школами.

Что же препятствовало настоящей систематизации и генерализации? Мы видим по крайней мере четыре вполне объективно существующие трудности.

Первой из таких трудностей стало, как ни странно, то, что та методика, которая опирается на концепцию речевого жанра М. М. Бахтина и разработанные им принципы и приемы осмысления и анализа речевых жанров, является исключительно широко востребованной в современных исследованиях по дискурсу. То, что «коммуникативное» изучение РЖ в его современном виде (а это большинство работ по речевым жанрам) заложено Бахтиным, не вызывает сомнений: коммуникативная природа жанра прямо вытекает из самого понятия речевого жанра как форм, в которые отливаются «живые» (т. е. погруженные в реальную ситуацию общения «Говорящего» и «Другого») высказывания. (Ниже нами будет подробно освещена эта часть, по сути, прагматической концепции «высказывания» М. М. Бахтина, а также другие его идеи.) Но и следующее по значимости и распространенности направление изучения РЖ — когнитивное — тоже, по сути, идет от М. М. Бахтина, давшего определение

жанра как т и п и ч н о й м о д е л и высказывания: М. М. Бахтин определял речевой жанр фактически как фрейм, хотя, естественно, не пользовался данной терминологией. Таким образом, исследование речевых жанров практически во всех его направлениях не могло быть и не было некогнитивным.

В современном жанроведении стало уже фактически общепризнанным, что смежные речеведческие (и даже языковедческие) дисциплины — коммуникативная лингвистика, теория дискурса, а также когнитивная лингвистика и концептология — не могут успешно справляться со с в о и м и задачами без учета положений ТРЖ. В соответствующих параграфах и разделах монографии нами будут подробно освещены отношения, существующие между данными дисциплинами, а также истоки и линии взаимного притяжения и взаимного отталкивания. В то же время мы, естественно, не ставили целью представлять здесь в с е металингвистические, метатеоретические и историографические отношения — им не место в настоящем исследовании; кроме того, не хочется пересказывать абсолютно, вполне или даже частично общеизвестные истины.

Следует отметить, что в зарубежных и тех российских исследованиях, которые ориентируются на западные концепции и методики изучения речи, имя Бахтина и российские работы, развивающие его идеи, оказались значительно менее востребованными. Такое положения вещей может показаться естественным, однако при ближайшем рассмотрении альтернативность этих названных (прежде всего западных) концепций распространяется преимущественно на внешнюю атрибутику — методику и терминологию, но не на дух и идеи. В этом смысле большинство из них, точно так же как и современные российские работы, можно считать дальнейшим развитием тех идей, которые — пусть не в виде полностью разработанных, эксплицированных в лингвистической терминологии, апробированных на конкретном материале концепций, а в виде отдельных соображений, замечаний «к слову» — были высказаны М. М. Бахтиным. В этом отношении особенно ценными нам представляются, например, исследования РЖ новейших сфер общения.

Насколько нам известно, до сих пор появилось только одно направление изучения речевых жанров, принципиально отличное от всего того, что когда-либо было высказано самим М. М. Бахтиным либо его непосредственными последователями: это идущее от А. Вежбицкой и получившее апробацию в ее исследованиях и исследовани-

ях созданной и возглавляемой ею Семантической школы в Канберре кросскультурное изучение РЖ [Wierzbicka 1987; Вежбицкая 1996; Вежбицкая, Годдард 2002]. При этом, по нашему мнению, менее существенной для собственно речежанрового изучения речи является идея универсального семантического метаязыка для описания жанров. Нисколько не умаляя значения данной концепции, мы считаем ее, с одной стороны, менее оригинальной (идея семантических примитивов была разработана для описания лексики и позже перенесена на описание более сложных языковых и культурных явлений, в том числе речевых жанров), с другой стороны, малопригодной для описания синтактики РЖ, или «композиции», которую Бахтин считал важнейшей составляющей речевого жанра, — см. ниже. Более существенной (и более востребованной в целом ряде современных сопоставительных, типологических, кросскультурных, а также общетеоретических исследований) мы считаем идею сравнения национальных культур через посредство наборов разных универсальных и национально-специфичных речевых жанров.

Вторая трудность, с которой сталкивается жанровед-теоретик, в каком-то смысле противоположна первой, в каком-то — является ее логическим продолжением. Речь идет о том, что при достаточно широком понимании речевого жанра теория речевых жанров фактически совпадает с основными положениями дискурсивной теории, главной задачей и сущностной идеологией которой являются поиск и осмысление дискурсивной системности. Показательно, что почти все виды обнаруживаемой дискурсивной системности могут быть возведены к жанровым, так что само понятие РЖ оказывается в каком-то смысле избыточным. (Во второй главе настоящей монографии будут подробно рассмотрены некоторые ключевые для ряда соответствующих дискурсивных концепций типы дискурсивной системности, частично или полностью пересекающиеся с моментами системности речежанровой.) Представлять же все дискурсивные, текст-лингвистические, риторические, стилистические или прагмалингвистические исследования, в той или иной степени опирающиеся на понятие речевого жанра и речежанровой системности, естественно, было бы невозможно, ибо это были бы без малого все современные исследования по лингвистике речи.

Третьим объективно существующим препятствием на пути к созданию одной обобщающей концепции РЖ — и одновременно источником громадного многообразия работ по речевым жанрам

в целом — стало то, что на протяжении 15–20 последних лет даже в тех исследованиях, которые, казалось бы, шли непосредственно за Бахтиным, само понятие *жанра* относилось к числу наиболее многозначных и неопределенных терминов-понятий. Так, даже в пределах одного тематического сборника «Жанры речи» оказались представлены существенно различающиеся концепции жанра. На это справедливо указывает В. Е. Гольдин в предисловии ко второму выпуску сборника: «Понятие жанр речи “втиснуто”, если можно так выразиться, между понятиями речевого акта, текстового типа, тональности общения и некоторыми другими» [Гольдин 1999: 5]. При этом далеко не всегда специально объясняют свое понимание жанра и терминологию даже те исследователи, кто, несомненно, имеет законченную концепцию жанра.

Закономерным следствием из названной разнородности и противоречивости концепций стала разнородность и противоречивость речежанровой т е р м и н о л о г и и. Увы, исследователь жанровой системности речи теперь должен начинать с разработки и детального объяснения «своей» терминосистемы (даже базовых терминов), вместо того чтобы просто опираться на уже существующую, непротиворечивую и адекватную материалу и методике анализа систему.

Наконец, **в-четвертых**, с того времени, когда Бахтин ввел в филологический обиход концепцию речевого жанра, до настоящего момента жанроведение, увы, не намного приблизилось к выполнению своей программы-максимум — дать адекватное представление всего пространства речевого общения в единой плоскости и на основе объясняющей теории, методики и терминологии РЖ построить энциклопедию (точнее, многие национальные энциклопедии) речевых жанров.

Оказалось, что аутентичный речевой материал настолько хаотичен, многообразен и вариативен, что в скором времени пришлось скрепя сердце признать бесперспективными попытки превратить «неточные» — разрозненные, незавершенные, не оформленные в виде четких положений лингвистической теории — идеи Бахтина в стройную формулу или набор формул, которые позволили бы систематизировать все названное речевое разнообразие в таком виде и объеме, как это было принято в структурно-лингвистических концепциях: непротиворечиво, всеобъемлюще и просто. «Исправления», «уточнения» идей Бахтина в названном направлении, как это часто случалось с подобными структурными моделями, выглядели убедительными и стройными в теории. Первые же попытки использовать их на прак-

тике, при работе с реальным речевым материалом выявляли недостаточность данных моделей — негибкость, неадекватность реальной «жизни» речи и речевых единиц. Кроме того, модели оказывались с неизбежностью противоречивыми — поскольку противоречив, чрезвычайно разнороден был сам анализируемый материал.

Все это привело к тому, что исследования по речевым жанрам, осуществляющиеся в последнее время, в значительной степени отказываются от глобальных объясняющих моделей и не ставят целью показать общую картину, все отдельные участки которой управлялись бы одними и теми же законами. Жанроведы обычно ограничиваются фиксацией системности именно на отдельных — как правило, достаточно маленьких — участках речежанрового пространства. Для каждого такого исследования создается локальная объясняющая модель, не претендующая на то, чтобы адекватно объяснять другие участки.

Нарисованную нами картину трудно, конечно, назвать оптимистической: по сути отказ от глобальных теоретических задач означает, что в результате мы будем иметь столько же объясняющих моделей, сколько отдельных участков картины (отдельных жанров или даже отдельных компонентов внутри одного речевого жанра — например, внутрижанровых стратегий и тактик) будет выделено — или сколько будет осуществлено отдельных исследований. Следует отметить, что в ряде работ авторы вообще отказываются от собственно речежанровой теории и терминологии и объясняют моменты речежанровой системности посредством других методик (например, концептологической).

Впрочем, будучи сдержанными оптимистами, мы верим, что когда-нибудь все трудности (или, по крайней мере, главная часть трудностей) будут преодолены и универсальные и национальные энциклопедии РЖ будут созданы.

Однако практическим выводом из сказанного следует, по-видимому, считать необходимость более осторожной и реалистичной формулировки **задач теории речевых жанров**. Рассмотрим эти задачи, среди которых можно выделить те, которые уже решались (и являются в какой-то степени уже решенными) в осуществлявшихся исследованиях, и те, которые, по нашему мнению, должны быть поставлены в будущих исследованиях.

Относим к главным теоретическим проблемам речевых жанров поиск и осмысление форм и видов **системности**, или упорядоченности, **речи**, а также поиск тех **аспектов**, или **параметров**, **текстово-**

речевого общения, которые подлежат упорядочению (ориентироваться в которых помогают речевые жанры). Таким образом, первая главная теоретическая и практическая проблема речевых жанров непосредственно связана с одной из наиболее актуальных проблем современной лингвистики речи, речевого общения, социолингвистики — параметризацией речи, которая предполагает выявление значимых параметров ситуации общения и их связей и взаимообусловленностей импликативного типа. Разные типы жанров структурируют разные параметры.

Понятие *жанр* в этом отношении встает в одну парадигму с целым рядом **языковых** и **речевых феноменов**, рассматриваемых другими лингвистическими дисциплинами и имеющих (как обычно считалось в соответствующих дисциплинах) другую коммуникативно-речевую природу: это, во-первых, *высказывание*, *речевой / коммуникативный / иллокутивный акт*, а также *интеракция*, *диалогическое единство*, *сверхфразовое единство*, *речевой ход* и т. п.; во-вторых, *речевое / коммуникативное* (*простое* и *сложное*) *событие*, *поступок* и т. п.; в-третьих, (*функциональный*) *стиль*, *тональность речи* и т. п.; в-четвертых *фрейм*, (*коммуникативный*) *концепт*, *когниция*.

Соответственно, второй задачей теории речевых жанров будут **разграничение** и **систематизация** данных (и других выявленных) феноменов — коммуникативно-речевых / деятельностных / когнитивных явлений, которые «отвечают» за разные аспекты и стороны речевого общения и, естественно, должны рассматриваться через посредство разных концепций, методики и терминологии, но которые тем не менее, по нашему мнению, обнаруживают гораздо больше сходства, чем различий, — сходства, проистекающего из того, что все это «определенные типы высказываний, отличные от других типов, но имеющие с ними общую словесную (языковую) природу» [Бахтин 1996: 160]. Конечно, для решения этой задачи необходимо расширительное понимание речевой / коммуникативно-дискурсивной системности — она выходит за пределы монолога, за пределы одного только внешнеречевого проявления (дискурсивная системность внутренней речи), а также за пределы речевого / языкового / деятельностно-социального мышления.

Третья задача ТРЖ — построение **типологии речевых жанров**. Эта задача является логическим продолжением двух первых, поскольку выделение (в разных жанрах и видах речи) параметров, в каком-то смысле особо значимых, всегда означает переход от внутренней (вну-

трижанровой) системности речи к внешней. Следует подчеркнуть, что жанроведение решает типологические задачи и в случае систематизации отдельных жанров внутри типа, выделенного в соответствии с каким-либо из параметров речевого общения. Так, например, внутри общего пространства *художественных* речевых жанров еще в Античности выделялись *роман*, *повесть*, *рассказ* и т. п.; внутри, например, *дисгармонических фатических* жанров — *скандал*, *ссора* и *выяснение отношений*; *положительно эмоционально воздействующих — лесть*, *комплимент* и *похвала* и т. д.

Учитывая, что параметры ситуаций общения / дискурса / событий чрезвычайно многообразны — а следовательно, точно так же многообразны будут и соответствующие типы жанров, — мы можем назвать не так уж много безусловно выявляемых **типов**. Несомненно, для общей типологии речевых жанров будет чрезвычайно существенным деление жанров на *художественные* и *нехудожественные*, *письменные* и *устные*, *монологические* и *диалогические*, *простые* и *сложные* (критерии «сложности» при этом могут очень существенно варьировать — подробнее см. ниже), *прямые* и *косвенные* (естественно, о критериях косвенности можно сказать то же самое), *спонтанные* и *риторические*, *персональные* и *ритуально-институциональные*... Как видим, типология жанров в каком-то смысле стремится к тому, чтобы совпасть с используемыми во многих дискурсивных теориях классификациями дискурса (на разных основаниях и при различных определениях дискурса и подходах к нему).

Справедливости ради следует отметить, что многие (но далеко не все) классификации дискурса предполагают дальнейшее выделение и более или менее дифференцированное изучение соответствующих жанров; так, противопоставив *информативную речь* и *фатическую речь*, Т. Г. Винокур (вклад которой в типологизацию устных жанров в целом и дальнейшее осмысление и типологизацию фатических жанров мы считаем очень существенным) не стала говорить об отдельных *информативных* и *фатических речевых жанрах*: это сделали уже ее последователи; выделив *персональный дискурс*, В. И. Карасик выделяет далее, по нашему мнению, очень существенную оппозицию *бытовых* и *бытийных* типов персонального дискурса, однако о конкретных *жанрах* данных разновидностей персонального дискурса ничего не говорит, предоставляя эту возможность другим исследователям.

Автор считает своим долгом предупредить читателя, что старался быть объективным в оценке разных речежаровых концепций и школ, но, поскольку сам достаточно активно занимается жанрами на протяжении 20 лет и смотрит на историю отечественного жанроведения «изнутри» (во всяком случае, автор никак не отделяет себя от «саратовского жанроведения», а отчасти, пожалуй, и «волгоградского»), возможно, в некоторых случаях это могло не самым лучшим образом сказаться на его объективности. Не ставя, естественно, задачи анализировать все разнообразие современных работ по дискурсу, мы сознательно значительно ограничиваем материал своего аналитического обзора — основная часть работ, представляемых здесь, выполнена в русле современной теории речевых жанров. Конечно, наше исследование (особенно эта обзорная часть) могло быть значительно обширнее, богаче и, возможно, интереснее, однако мы считаем, что и представление одной только российской ТРЖ само по себе уже является достойной задачей.

В процессе написания книги ее главы и параграфы, а также отдельные идеи обсуждались с Л. В. Балашовой, О. Б. Сиротининой, В. И. Карасиком, В. Е. Гольдиным, К. Ф. Седовым, В. А. Салимовским, Е. И. Шейгал, которым автор выражает искреннюю благодарность.

ГЛАВА I

Лингвистика XX в.: от текста к жанру и от жанра к тексту (историографический очерк)

1.0. О принципах периодизации жанроведения

Развитие теории речевых жанров в последнюю треть двадцатого века не было, конечно, свободно от общего состояния лингвистической (шире — филологической) науки и более активного развития отдельных ее направлений. Собственно, взаимодействуя с новым направлением науки, ТРЖ каждый раз раскрывалась в новых своих аспектах и гранях. Периодически появлялись работы, посвященные новым, не рассматривавшимся ранее аспектам речевых жанров, у ТРЖ усматривали новые объяснительные возможности (ср. исследования последних лет: [Кравченко 2003; Маркова 2003; Горошко, Саенко 2005; Слышкин 2005; Степанов 2005; Алефиренко 2007]). В целом такие явления свидетельствуют о здоровье науки: актуальности и динамичном развитии, хотя, к сожалению, названные попытки далеко не всегда приносили по-настоящему убедительные результаты и не всегда сопровождались по-настоящему адекватным осмыслением сущностной природы взаимодействующих в данном случае научных дисциплин, их индивидуальных объясняющих возможностей и специфики.

Известно, что нечто подобное (десятилетием-двумя раньше и, пожалуй, в более явном виде) произошло с теорией речевых актов, прагматикой, прагмалингвистикой.

> Становление прагмалингвистики прошло под знаком трепетной надежды лингвистов на то, что эта новая, максимально приближенная к «живой жизни» языка внешнелингвистическая дисциплина наконец-то сдернет завесу тайны с многих давних «тайников» языка и речи. Так, по мнению И. П. Сусова, интегративное толкование предмета прагматики делает понятие с е м и о т и к и, делящейся, согласно Ч. Пирсу и Ч. Моррису, на синтактику, семантику и прагматику, вообще излишним, поскольку «абстрактная, или теоретическая, прагматика нередко претендует на универсальный характер, стремясь показать возможность применения формального аппарата к прагматической интерпретации естественных языков, в частности

логики действия и математической теории игр» [Сусов 1983: 6–9]. Тогда задача-максимум прагмалингвистики состоит в том, чтобы изучать соотношение типов дискурса и типов личности, задача-минимум — построение типологии языковых личностей [Сусов 1989: 15]. Объясняющие потенции прагмалингвистики были использованы чрезвычайно разносторонне и широко — тоже гораздо шире, чем это предполагалось в то время, когда основные положения теории речевых актов еще только начинали разрабатываться: со временем ТРА становится действительно наиболее разработанной и точной методикой анализа речи, ее методика и терминология доводятся до отточенности, филигранности — и... ТРА начинает вырождаться. На смену универсализму приходят атомизм, схематизм без учета психологического состояния каждого из коммуникантов, крен в сторону одного иллокутивного компонента речевого акта по сравнению с локутивным и перлокутивным, господство формальной логики и как следствие потеря собственно текста, реального говорящего, реального общения — все это привело прагматику, как писала Т. Г. Винокур [Винокур 1993а: 20–21], к определенному кризису, когда в центре внимания оказались модели и прагмалингвистика перестала соответствовать своему назначению — быть наиболее личностно-ориентированной и наиболее связанной с действительностью внешнелингвистической дисциплиной.

В случае ТРЖ, впрочем, мы имеем несколько другое: по-видимому, настоящей «потери реальной речи» все же не произошло, однако энтузиазм, присущий первым исследователям, постепенно схлынул, ибо реальные результаты оказались все же скромнее, чем это представлялось лет 15–20 назад.

Если попытаться охарактеризовать развитие теории речевых жанров после выхода статьи М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» в наиболее общем виде, можно сказать, что, во-первых, теория речевых жанров очень значительно менялась вместе с общей научной парадигмой в лингвистике, однако практически при каждой новой научной парадигме ТРЖ была востребована.

Во-вторых, постоянно способствовали развитию каждого из новых направлений лингвистической науки и ТРЖ сама по себе, и выделение понятия речевого жанра (или сходных с ним речевых явлений) в качестве базовой единицы / одной из базовых единиц данной теоретической концепции.

Это верно уже по отношению к зарождавшейся в 20-е г. концепции М. М. Бахтина (книга Бахтина / Волошинова «Марксизм и философия языка») и складывавшейся в те годы научной парадигме в лингвисти-

ке. Обычно концепцию РЖ Бахтина по ее пафосу и месту в советской и мировой лингвистике двадцатых годов определяют как антиструктуралистскую (и в этом смысле как бы преждевременную и поэтому не востребованную современниками в настоящем виде). Касается это и гораздо более четко разработанной в собственно лингвистической терминологии концепции речевого жанра Бахтина начала 50-х г. (статья «Проблема речевых жанров»). В это время общий пафос научной деятельности Бахтина был во многом направлен против виноградовского структурализма: общий формально-структурный крен в лингвистической науке уже совершенно очевидно стал фактором, активно препятствовавшим настоящему осмыслению настоящего положения дел.

В то же время высказывания Бахтина о виноградовской лингвистике (и системно-структурной лингвистике в целом) этого периода уже гораздо более сдержанны, чем, например, работы Бахтина/Волошинова 20-х г. в статье «Проблема речевых жанров», по мнению В. М. Алпатова, очевиден отход от максимализма «волошиновского цикла», где язык в соссюровском смысле рассматривался как фикция, ограниченно полезная в целях обучения языку, а идеологичность приписывалась любым языковым явлениям [Алпатов 2005: 313][1]. Уже в самом начале статьи «Проблема речевых жанров» мы читаем: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности» [Бахтин 1996: 159]. Из этой цитаты видно, что язык, по М. М. Бахтину, — не абстракция: использоваться может что-то реально существующее. Ср. также: «Язык, как система, обладает, конечно, богатым арсеналом языковых средств — лексических, морфологических и синтаксических — для

[1] Следует отметить, что в современной лингвистике, филологии и философии существуют разные традиции прочтения творческого наследия М. М. Бахтина, в частности его цикла работ по речевым жанрам. Так, автор комментариев к собранию сочинений М. М. Бахтина Л. А. Гоготишвили считает, что главная отличительная особенность его текстов — так называемое двойное дно, «чужой голос» (в том числе в работах, написанных и изданных под именем самого М. М. Бахтина) [Гоготишвили 1996: 537–538].

Полемизируя с Л. А. Гоготишвили, В. М. Алпатов полагает, что статья «Проблема речевых жанров» и другие работы, написанные в Саранске, — отражение не «чужого», а «прямого слова» автора, который не обладал заранее истиной, которую пытался затем завуалировать для неподготовленного читателя, а искал ее и далеко не всегда мог найти [Алпатов 2005: 294].

выражения эмоционально-оценивающей позиции говорящего» [Бахтин 1996: 188]. Очевидно, что язык понимается здесь в традиционном смысле, уточненном Ф. де Соссюром.

Выделив «абстрактный объективизм» и «субъективный идеализм» в лингвистической науке, Бахтин теперь определяет сущность и место РЖ следующим образом: а) РЖ объективно е с т ь, как и язык; б) как и язык, РЖ могут изучаться либо с позиций абстрактного объективизма, либо с позиций субъективного идеализма — хотя, конечно, субъективный идеализм всегда был ближе Бахтину.

В конце 1970-х, когда в СССР выходит первая книга Бахтина «без маски» со статьей «Проблема речевых жанров», изучение речи в лингвистической научной парадигме в целом определялось: а) советской / зарубежной коллоквиалистикой / методикой конверсационного анализа (для советской школы изучения разговорной речи этого периода, в частности, серии коллективных монографий «Русская разговорная речь» (Москва), характерен поиск особой речевой системности, отличной от языковой); б) теорией речевых актов: как и лингвистика на Западе, российская лингвистика в это время успешно использует положения и методику прагматики и теории речевых актов Остина — Серля. В постструктуралистской лингвистике становится актуальным рассмотрение человеческого фактора в языке, компонентов коммуникативной ситуации и дискурса. В то же время эти внешнелингвистические исследования осуществляются с опорой на глубокое осмысление единиц и системных отношений, или значимостей, языка, присущее предшествующей — системно-структурной — научной парадигме.

Прежде всего через призму данных теорий тогда и была встречена концепция речевого жанра М. М. Бахтина: первые попытки ее практического использования отмечены значительным сближением ее положений именно с коллоквиалистикой и теорией речевых актов — тем более что для лингвистики речи этого времени характерны, с одной стороны, общая прагматикализация научного аппарата, с другой — поиск базовой единицы, в формальном и особенно содержательном отношении превосходящей предложение / речевой акт (поиск ведется на пересечении общей теории коммуникации, коллоквиалистики, стилистики, прагматики, лингвистики текста). В получившей широкую известность статье А. Вежбицкой «Речевые жанры» [1997 (первая публикация — в 1983 г. на польском языке)] отразилось именно это состояние лингвистики речи.

Отмеченные особенности в полной мере присущи и последующим этапам развития теории речевых жанров.